

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 2 (131), с. 143–155.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 2 (131), pp. 143–155.

Научная статья
УДК 81'367.4
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-12>
<https://elibrary.ru/eozcjb>

**Особенности функционирования конструкций
с глаголом *принуждать* в центральных российских СМИ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

Наталья Юрьевна Тимофеева

Московский финансово-юридический университет (МФЮА),
Москва, Россия
natashanorge@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1032-6007>

Аннотация. Статья посвящена анализу наблюдений за особенностями использования конструкций с глаголом *принуждать* в публицистическом дискурсе. На материале НКРЯ выявляются лексико-тематические группы актантов глагола *принуждать*, устанавливается процентное соотношение утвердительных и отрицательных конструкций и делается вывод о различии их функциональных возможностей при реализации интенции автора материала. Также рассматриваются семантические различия грамматических вариантов номинации объекта принуждения – предложного и беспредложного. Инфинитивная форма номинации объекта признается элементом эвфемизации.

Ключевые слова: понятие принуждения, валентность, актант, лексико-тематическая группа, интенция автора, отрицательная конструкция, инфинитивная номинация объекта

Для цитирования: Тимофеева Н. Ю. Особенности функционирования конструкций с глаголом *принуждать* в центральных российских СМИ (на материале Национального корпуса русского языка). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 2 (131), с. 143–155. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-12>; EDN: EOZCJB

**The peculiarities of constructions with
the verb *prinuzhdat'* (to compel) in the major Russian media
(based on the Russian National Corpus)**

Natalia Yu. Timofeeva

Moscow University of Finance and Law (MFUA),
Moscow, Russia
natashanorge@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1032-6007>

Abstract. The article considers the peculiarities of constructions with the verb *prinuzhdat'* (to compel) in journalistic discourse. Based on the Russian National Corpus, the author of the article identifies three actant constructions with the verb *prinuzhdat'* (to compel), establishes the ratio of affirmative to negative constructions and draws a conclusion about the differences in their functional

capabilities when realizing the author's intention; also considers semantic differences between the grammatical variants of the nomination for the object of compulsion – prepositional and non-prepositional. The infinitive form of the object nomination is recognized as an element of euphemization.

Keywords: the concept of compulsion, valency, actant, lexical-thematic group, author's intention, negative construction, object infinitive nomination

For citation: Timofeeva N. Yu. The peculiarities of constructions with the verb *prinuzhdat'* (to compel) in the major Russian media (based on the Russian National Corpus). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 2 (131), pp. 143–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-12>; EDN: EOZCJB

Введение

Понятие принуждения оказывается в центре внимания нескольких дисциплин: психологии, социологии, теории права и государственного управления¹. Многообразие определений данного понятия сводится к признанию предметом принуждения воли человека. Воздействие на волю другого индивида и является принуждением. Однако реализация принуждения как совокупности действий принуждаемого лица в пользу принуждающего может не иметь места в действительности, хотя сам факт принуждения при этом не теряет своей социальной значимости и становится объектом общественного обсуждения. В этой связи анализ условий функционирования понятия принуждения в медиа-тексте позволяет выявить механизмы формирования и восприятия смыслов, что и является **целью** данного исследования. **Актуальность** выполненной работы обусловлена необходимостью непрерывного наблюдения за принципами и приемами общественных дискуссий как основополагающего компонента демократических прав и свобод.

Основная часть

Принуждение как естественно подразумеваемое социально значимое действие властных структур воспринимается общественным сознанием амбивалентно: в аспекте гарантий личных прав и свобод – положительно, в аспекте ограничения этих прав и свобод – негативно. Данная противоречивость восприятия сказывается на процессе его вербализации. В общественном сознании функционирует как бы два типа смыслов или два семантических поля указанного концепта: принуждение к добру и принуждение к несвободе. Данными параметрами задается фон апперцепции медийных текстов. **Материалом** для рассмотрения ядерных смыслов концептуального поля принуждения были выбраны контексты газетного подкорпуса центральных СМИ Национального корпуса русского языка (НКРЯ) за период 2019–2022 гг. Поскольку практика использования НКРЯ в качестве источника языковых реалий на сегодняшний день приобрела регулярный характер, постольку, по нашему мнению, выбор материала не требует отдельной аргументации. Выбор временного диапазона продиктован подвижностью общественно-политической тематики, отра-

¹ Финогентова О. Е., Ломаев А. Ю. Проблемы реализации публичного интереса в нормах гражданского права. *Вестник Самарского юридического института*, 2015, № 2 (16), с. 65.

жающей, в свою очередь, высокие темпы глобальных изменений в обществе. Для отбора контекстов в массиве газетного подкорпуса использован параметр включенности лексической единицы *принуждать* как стилистически наиболее универсальной и одновременно наиболее частотной в юридическом дискурсе. Выявленные контексты подверглись количественному, дистрибутивному и синтагматическому анализу для установления закономерностей вербализации и функционирования концептуально значимого понятия принуждения.

Основные результаты. В газетном подкорпусе центральных СМИ НКРЯ за указанный период более 200 контекстов содержат лексику *принуждать* и ее словоформы. Используемые грамматические конструкции с данной языковой единицей отражают ее понятийный объем: при полной манифестации понятийного смысла используется четырехкомпонентная синтаксическая схема, представляющая взаимодействие двух субъектов относительно предмета принуждения: S1 *принуждает* S2 к Obj, то есть семантическая валентность глагола *принуждать* предполагает наличие трех актантов. Значения лексем, заполняющих позиции актантов, отражают актуальность тематики публицистического текста: какие лица или группы представлены в текстах СМИ как осуществляющие принуждение, а какие – как принуждаемые или, в другом аспекте, какие типы принуждения осознаются как социально значимые и требующие обсуждения¹. В материалах НКРЯ контексты, содержащие словоформы глагола *принуждать*, тематически могут быть разделены на относящиеся к внутривнутриполитической сфере и к освещению событий за рубежом, которые представлены в ¼ части исследуемых контекстов. Внутривнутриполитическая тематика, в свою очередь, представлена иерархически²: от общеобязательного государственного принуждения всех граждан до физического насилия по отношению к отдельному человеку со стороны другого лица или группы лиц.

Семантика государственного принуждения организована по полемому принципу в зависимости от типа активного и пассивного актанта глагола. Выделяются конструкции с глаголом, манифестирующие государственное принуждение, помимо прямого указания на государство как субъект действия, безлично – либо как действие определенного государственного органа, либо как отдельного должностного лица: *государство должно принуждать; сенаторов не будут принуждать; нефтяников принуждают; российских учителей не принуждают; водителей принуждают; подзащитного принуждали; ЦБ [Центробанк] принуждает рынок; мэрия не принуждает депутатов; судебные приставы принуждают исполнять судебные решения* и т. п. В некоторых контекстах активным актантом выступает юридическое понятие права: *закон запрещает; трудовое право не позволяет принуждать; предложения в законопроект, которые принуждают бизнес к дополнительным издерж-*

¹ Романова О. В. Некоторые особенности вербализации концепта «принуждение» глагольной лексикой современного английского языка. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки*, 2007, выпуск 44, с. 215.

² Тиллоева С. М. *Понятийный аспект структуры семантического поля*. Екатеринбург: [б. и.], 2020, с. 6–7.

кам. Посредством подобных конструкций манифестируется всеобщность и бессубъектность действия законов. Однако частотность таких конструкций незначительна и ограничивается тремя приведенными примерами. При этом абстрактное действие правовых норм более часто (8 контекстов) вербализируется посредством безличного отрицания: *недопустимо принуждать к вакцинации; нельзя принуждать госкомпанию; принуждать субъекты федерации нельзя; нельзя принуждать людей; нельзя принуждать женщин; принудить его [потребителя] нельзя*. Ограничение возможности принуждения осознается как правовая гарантия и представляется в более категоричной форме в конструкциях двойного отрицания с местоимением в позиции как главного, так и пассивного актанта (12 контекстов): *никто не имеет права принуждать гражданина; никто не должен принуждать студентов; делать прививку никто не принуждает; к прививке никто не принуждает; принуждать их [учителей] никто не будет; носить маски никто не принуждает; никого нельзя принуждать к голосованию; носить маски никого принуждать не будут*. Предельное усиление отрицания отмечается в конструкции с местоимением в обеих актантных позициях (тройное отрицание): *никто никого не должен принуждать* (1 контекст).

Примерно с такой же частотностью (13 контекстов) принуждение представляется как действие неопределенного круга лиц, вербализованное посредством 3 л. мн. ч. глагола при отсутствующем субъекте: *принуждают, принуждали, будут принуждать*; и в возвратной форме пассивного залога: *принуждаются*. Отсутствие активного актанта актуализирует имплицитные связи с образом властных структур или их отдельных представителей: *регионы принуждают; нас [чеченские силовые структуры] принуждают; принуждают водителей; сотрудников к чему-либо принуждают; авторов принуждают удалять пост; не принуждают студентов к оказанию помощи; граждан принуждают остаться дома; принуждали к даче ложных показаний; бюджетников принуждали зарегистрироваться; сенаторов не будут принуждать; нарушителей карантина будут привлекать к уборке улиц*. В утвердительных предложениях неопределенно-личный предикат позволяет автору минимизировать риск претензий и разбирательств со стороны власти: поскольку субъект действий не идентифицирован, претензию сформировать невозможно. Ослаблению идентификации субъекта также служат существительные с обобщенной семантикой: *власть принуждает к голосованию; высшая бюрократия принуждает голосовать*. Наименования конкретных органов в позиции главного актанта при глаголе принуждения нечасты (8 контекстов): *мы [депутаты] их [богатых] принуждаем вкладывать; Росгвардия, ФСБ, Роскомнадзор принуждают к исполнению; Роскомнадзор почему-то их [Google, Gmail] не принуждает; Смольный призывали принуждать; мэрия не принуждает депутатов; ЦБ принуждает к цифровизации; ЦБ <...> дает время, чтобы не принуждать; мы [ЦИК] не принуждаем*. Субъект также может быть обозначен представителем класса в ед. ч., сохраняя при этом неопределенность обобщения: *вправе ли сотрудник полиции принуждать; судебные приставы принуждают исполнять судебные решения; наделение трудовых инспекторов полномочиями, которые принуждают*. Более определенная, единичная идентификация лица используется крайне редко: *начальник колонии принуждал осужденного; полицейские принуждали подростка написать явку с повинной*. Очевидно, что по-

следние два примера фиксируют факты нарушения должностных полномочий и в деонтологическом аспекте противопоставлены предыдущей группе как противозаконные.

При рассмотрении семантических возможностей разных грамматических конструкций следует отметить, что внутри лексического поля государственного принуждения доминируют глаголы с отрицанием (более 50 % вхождений). При сопоставлении контекстов выявляется односторонность представления ситуации в материалах СМИ: принуждение как таковое отрицается или смягчается в общественно значимых сферах, таких как распространение пандемии COVID-19 и организации голосования: *Мы сторонники вакцинации, но нельзя принуждать людей; Если человек не хочет <...>, то не следует принуждать его к вакцинации; никто не может принуждать граждан к вакцинации; нельзя принуждать людей вакцинироваться; к прививке никто не принуждает и т. п.* Модальность отрицания обладает разной степенью категоричности: от простого отрицания действия в настоящем или будущем (*не принуждает, не принуждаем, не будет принуждать, не будем принуждать*) до безусловного императива (*нельзя, недопустимо*). Промежуточными формами манифестации долженствования-возможности принуждения становятся формулы рекомендательного характера: *не следует; надо не принуждать, а <...>*. В количественном отношении преобладает категорический запрет принуждения, вербализованный сочетанием *нельзя принуждать* (6 контекстов).

Группы лексем, занимающих позицию пациенса, обозначают круг принуждаемых лиц. В этой функции в рамках тематики государственного принуждения используют два типа номинаций: обозначение формой ед. ч. имени существительного класса лиц и сферы деятельности (*никто не имеет права принуждать гражданина; потребителя нельзя принуждать; принуждают автовладельца; ЦБ принуждает рынок; принуждают бизнес*) и обозначение группы лиц или административных единиц формой мн. ч. имени существительного (*принуждают людей; граждан принуждают; регионы принуждают; принуждают субъекты России; сенаторов не будут принуждать; не принуждает депутатов; принуждают госкомпании; принуждают работодателей; сотрудников принуждают; бюджетников принуждали; кредиторы принуждаются; принуждают должников; богатых принуждаем; водителей принуждали; авторов принуждают; не будет принуждать педагогов; не принуждают студентов; недопустимо принуждать семьи; нельзя принуждать женщин; чеченцев принуждают*). Пассивный актант также может быть введен описательной конструкцией (*не принуждать пенсионные фонды; нарушителей карантина будут принуждать*) и именем собственным (*не принуждают Google, Gmail; Яндекс никто не принуждал*). Использование формы ед. ч. имени существительного в функции идентификации определенного лица имеет место только в двух контекстах: *подростка принуждали написать явку с повинной; принуждал осужденного*. В целом, при анализе группы пассивных актантов очевидно отображение в материалах СМИ социальной иерархии: принуждение как инструмент осуществления власти пронизывает все слои, включая социальные группы (*богатые, семьи*), национальные (*чеченцев*) и гендерные (*женщин*). Обращает внимание и наличие в

данном лексическом поле конверсивных пар¹ принуждающих и принуждаемых лиц: *работодатели – сотрудники; кредиторы – должники; преподаватели – студенты*. Данное положение подчеркивает подчиненность правовым формам принуждения всего общества.

В материалах НКРЯ помимо контекстов, тематически относящихся к проявлениям принуждения или отказу от такового со стороны власти, присутствуют примеры принудительных действий в узко профессиональной среде: *начальники принуждают сотрудников к выполнению рутинной и неквалифицированной работы; кредитор не вправе принуждать заемщика; научных сотрудников принуждают зачислять гранты в заработную плату; я [преподаватель МГЮА] принуждал сотрудников; принуждают учителей к выполнению обязанностей, которые возложены на администрацию школы; главврач принуждает врачей к увольнению; врача-рентгенолога не принуждали к увольнению; сотрудник скорой помощи не должен принуждать водителя; принуждают работников ГБУ «Жилищник» предоставить данные; два агрегатора принуждают таксистов работать по 12–16 часов; таксистов принуждают к участию в акции протеста; организаторы не стали принуждать артиста к выбору; РФС не стал принуждать казанцев к выплате процентов; их [клиентов беттинга] ни в коем случае не принуждают играть; подсудимый принуждал других солдат; гражданское судно принуждается к посадке или выходу*. В данных контекстах актуализируются частные случаи очевидно неправомерного принуждения представителей разных профессий. Процент отрицательных форм глагола, употребленных в контекстах данной тематики, почти вдвое ниже отрицательных значений в лексико-тематической группе государственного принуждения (42 % против 69 %). Указанное соотношение может быть рассмотрено как показатель смены стратегии СМИ с пропагандистского увещевания на формирование активной общественной позиции относительно конкретных частных случаев принуждения в самых разных сферах: от бизнеса и здравоохранения до культурных и развлекательных мероприятий.

Отдельную лексико-тематическую группу составляют контексты, затрагивающие личностное принуждение, которое имеет место как в быту, так и в профессиональной сфере. Диапазон типов принуждения в этой группе значительно уже, поскольку преобладает тематика сексуального или физического насилия: *директор института принуждал к сексу секретаршу; одна из женщин избила потерпевшую <...>, принуждая отказаться от показаний; житель и жительница принуждали девочку к совершению действий по причинению себе повреждений; девушка-инвалид сбежала от матери, которая принуждала ее вступать в интимную связь с незнакомыми мужчинами*. Некоторые материалы СМИ представляют ситуацию насилия как материал, исследуемый органами правосудия: *подсудимый принуждал солдат к выполнению изнурительных упражнений; злоумышленники принуждали к интимным связям с другими лицами; блогер принуждал несовершеннолетних обнажаться*. В

¹ Подкорытова А. В. Особенности когнитивной природы лексических конверсивов. *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*, 2019, вып. 115, № 1 (423), с. 114.

предупредительной функции выступает материал СМИ о действиях мошенников: *они ходят по квартирам, принуждают граждан предъявить паспорт*. Два контекста актуализируют значение личностного принуждения в рамках тематики семейных традиций: *родня принуждала меня [доктора Мясникова] продолжить династию; к занятиям железом сына абсолютно не принуждал [отец]*. В первом случае имплицитно присутствует иронический подтекст, во втором – подчеркивается самостоятельность выбора ребенка.

В целом проанализированный материал демонстрирует разные языковые стратегии при обсуждении тематики принуждения в СМИ. С одной стороны, подчеркивается всеобщность и обязательность правовых норм, с другой – фиксируется превышение допустимых норм в профессиональной среде и выносятся на общественное обсуждение факты личностного насилия, как правило, оказавшиеся предметом судебного разбирательства. Таким образом, в совокупности создается образ правового государства и законопослушного общества в России.

Представление случаев принуждения за рубежом отличается активным использованием прямого указания на субъект действия. Преобладает простая конструкция из трех актантов *Sub¹ принуждает Sub² Inf или Obj* с одним или двумя именами собственными (13 контекстов, более ¼ части от общего числа контекстов зарубежной тематики): *США принуждает Иран к миру; США принуждает Европу отказаться от закупок; Россия принуждает Беларусь к интеграции, Трамп принуждает китайскую VytaDance к сделке; Эрдоган принуждает европейцев встать на свою сторону, Трамп принуждает Зеленского начать расследование; ИГИЛ принуждала мирных сирийских граждан сотрудничать с боевиками*. Подобными определенными указаниями на субъект и / или объект принуждения моделируется фактуальность действия. В некоторых контекстах данного типа может быть пропущен главный актант при неопределенно-личной форме глагола и определенном объекте действия: *Сирию принуждают к миру; Турцию принуждают к сотрудничеству*. Парадоксально воспринимается конструкция – *Афганистан принуждает себя к миру*, в которой позиции актантов заняты одним и тем же субъектом. При этом тематика международных отношений практически исключает отрицание. Выделены только два отрицательных контекста, которые связаны с украинским вопросом: *принуждать выполнять обязательства, которые она [Украина] на себя приняла раньше, никто не будет; ни Германия, ни ЕС принуждать его [Порошенко] к исполнению соглашения не будут*. Отрицательные конструкции здесь выполняют обратную функцию в сопоставлении с их использованием в рамках внутривнутриполитической тематики: вместо гарантированной защиты от принуждения констатируется отказ от обязательств как нелицеприятная характеристика политической позиции и собственно самого субъекта действия – страны и ее президента. В целом международный аспект принуждения в материалах СМИ представлен как определенно агрессивное давление одних стран на другие.

Внутриполитическая проблематика отдельных зарубежных государств становится предметом обсуждения в отечественных СМИ значительно реже. Активный актант представлен в подобных контекстах двухкомпонентным словосочетанием: *геополитическая ситуация принуждает продолжить начатую модернизацию литов-*

ской армии; владельца видеосервиса *принуждают власти США* к передаче контроля; суд позволил *правительству Бразилии* *принуждать* население к вакцинации; *руководство государства* [Украина] *принуждают* руководителей спецслужб обманывать общество; *белорусский лидер* призвал губернаторов и председателей исполкомов не *принуждать* рабочих выполнять свои должностные обязанности; *подразделения ДНР* были вынуждены *принуждать* украинских силовиков к соблюдению режима прекращения огня. Пассивный актант в первом контексте отсутствует, в одном выражен односложно (*население*), в прочих – описательно.

Так же, как и в текстах, связанных с тематикой принуждения в РФ, в контекстах зарубежной тематики использованы безличные конструкции с незанятой, нулевой позицией активного актанта¹: *сети штрафуют*, *принуждая* владельцев *отправлять* на благотворительность продукты с нетоварным видом [Чехия]; в Белоруссии *депутатов* <...> *принуждают* сложить полномочия; *бюджетников* *принуждают* посетить митинг в поддержку А. Лукашенко; *северокорейскую элиту* *принуждают* к покупке облигаций; *нас* [иностранцев заключенных в китайской тюрьме] *принуждают* работать против нашей воли; *местных жителей в Северной Корее* нередко *принуждают* работать на таких проектах [строительство городов]; *группы ополченцев, которых будут* *принуждать* к участию в военных операциях против Азербайджана [Армения]; *их* [белорусских парламентариев] *принуждали* сложить полномочия. Диапазон семантики принуждаемых лиц и групп весьма широк: от представителей политической элиты в одном государстве до иностранных заключенных в другом. Неопределенность субъекта действия используется как эвфемистическое указание на действия властных структур. Формы с отрицанием в рассматриваемой группе использованы только дважды: *никто не должен* *принуждаться* к тому, чтобы *преклонять колено* [США]; *не* *принуждать* никого к *посещению парада* [Беларусь], что создает в сравнении с процентом отрицательных конструкций в рамках тематического поля государственного принуждения в РФ имплицитное представление о превосходстве отечественного правопорядка.

Принуждение в профессиональной сфере зарубежных государств фигурирует в материалах российских СМИ значительно реже, чем принуждение в сфере политической: *ассоциация публичных библиотек* не *принуждает* библиотеки *отказаться от книг* [Голландия]; *игроков* не *принуждали* к участию в матчах [европейский футбольный профсоюз]; *персонал ВОЗ* *принуждал* к *сексуальным отношениям* *местных* [африканские страны] *жителей*, *пытавшихся* *найти работу* в организации; *учеников академии балета в Вене* *принуждали* *курить* для *похудения*; в республике [Турции] *никто не имеет права* *принуждать* *отельеров* к *использованию* *какой-либо системы обслуживания*. При немногочисленности группы следует отметить большой процент отрицательной семантики: из пяти контекстов только два утвердительные (менее 50 %). Данное соотношение создает контраст рассмотренным выше случаям государственного принуждения и может свидетельствовать о более строгом соблюдении правовых норм в бизнесе и профессиональной среде.

¹ Коломацкий Д. И. *Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование*: дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2009, с. 9–13.

Личное насилие в пространстве инфоповодов из-за рубежа занимает 18 % (7 из 39 контекстов). Рассматриваются как случаи семейного насилия: *индианка обвинила мужа в том, что он принуждал ее к неестественной половой связи; принуждал красить губы красной помадой [партнер партнершу]; пятнадцатилетняя сестра Энисон заставляла двенадцатилетнюю Мэрайю употреблять кокаин и принуждала к проституции*; так и судебные процессы, в том числе громкое дело Джеффри Эпштейна: *француз ее британку ни к чему не принуждал [показания на суде]; Вирджинию принуждали заниматься с ним [принцем Эндрю] сексом; Гислейн Максвелл соблазняла несовершеннолетних и принуждала их к сексу; Эпштейн принуждал одну из жертв обращаться с ним, как с четырехлетним ребенком*.

Сопоставление приемов организации конструкций с глаголом *принуждать* в рамках внутривополитической и зарубежной тематики позволяет констатировать определенную повторяемость при описании действия властных структур (государственное принуждение нередко вербализируется бессубъектно) и, напротив, подчеркнутую определенность субъекта и / или объекта принуждения при описании межличностного насилия (высокий процент использования имен собственных), типы и формы которого частично совпадают в материалах российской и зарубежной тематики (насилие взрослых над детьми, между родными).

Семантические особенности конструкции с глаголом *принуждать* реализуются авторами с учетом грамматических возможностей ее компонентов. В силу переходности глагола наименование предмета принуждения (Obj) может вводиться с предлогом и беспредложно (ср.: *принуждать к браку – принуждать вступить в брак*). Заполнение синтаксической схемы и сам тип глагольного управления (предложное или беспредложное) зависит от условий дискурса, в том числе – от целей и задач автора¹. Использование беспредложной конструкции увеличивает количество смысловых компонентов, поскольку таким образом вводится новый объектный инфинитив² со своими сирконстантами, что, в свою очередь, придает принуждению большую процессуальность и растянутость во времени. Инфинитивное обозначение предмета принуждения представляет действие как повторяющееся, регулярное, усиливая тем самым негативность восприятия деяния. Наиболее распространенным примером общественно порицаемого принуждения становится сексуальное насилие (ср.: *Вирджинию принуждали заниматься с ним сексом (неоднократно) и Гислейн Максвелл соблазняла несовершеннолетних и принуждала их к сексу (возможно, разво)*)).

В целом соотношение предложного и беспредложного управления у глагола *принуждать* и его словоформ в исследуемых контекстах оказалось практически одинаковым (110 контекстов предложного и 90 контекстов беспредложного). Однако дан-

¹ Николаева Т. М. Предложный вариант / вариант беспредложный. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. XI, ч. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2015, с. 233–248.

² Логвинова И. В. Синтаксические функции инфинитива в языке прессы (на материале газет *Die Welt* и «Беларусь сегодня»). *Вестник Полоцкого государственного университета*, 2019, серия А, № 2, с. 101.

ная пропорция распределяется неравномерно между лексико-семантическими группами актантов глагола. Наблюдается обратное соотношение конструкций внутри тематики государственного принуждения: глагольные сочетания с инфинитивом используются в два раза чаще. Виды принуждения, вербализируемые при помощи беспредложно вводимого объекта, следующие: *принуждать + прививаться, делать прививку, носить / надевать маски, оставаться дома, следовать модели ограничения контактов, внедрять электронное голосование, зарегистрироваться для онлайн-голосования, попробовать новый вид голосования, голосовать с использованием электронных средств, голосовать за определенный результат*. Очевидно, что данный тип конструкций позволяет варьировать количество компонентов номинации объекта принуждения: от однословного – *прививаться*; до четырехчленных – *следовать модели ограничения контактов; попробовать новый вид голосования; голосовать с использованием электронных средств*. Подобная синтаксическая протяженность описательной номинации создает эффект эвфемизации¹ – непрямого соотношения знака (в данном случае – ряда знаков) с явлением действительности.

Конструкции с предложным управлением также могут получать смысловое и синтаксическое распространение при использовании в объектной позиции отглагольного существительного: *к получению причитающегося; к подписанию документов; к паническим продажам; к изменению корпоративной структуры; к оказанию помощи пациентам с COV-19; к изменению кредитных договоров на условиях заемщика; к предоставлению данных под угрозой отказа продажи товара*. Однако в подобных случаях введение сирконстантов создает обратный эффект – конкретизацию предмета принуждения.

Трехактантные и двухактантные конструкции использованы в материалах СМИ равномерно (1:1), при этом в группе двухактантных преобладают конструкции с пациенсом (3:1). Только один контекст содержит одноактантную конструкцию: *к вакцинации нельзя принуждать*.

Кроме актуальной тематики социального характера в материалах СМИ отмечены два контекста, затрагивающих тему принуждения в историческом контексте. Первый контекст касается межличностного, внутрисемейного принуждения: *Наполеон <...> начал принуждать его [младшего брата] к разводу*. Второй приводит историческую норму в форме цитации указа Павла I: *дабы никто и ни под каким видом не дерзал принуждать [крепостных крестьян в воскресные дни к работе]*. Обе формы представляют собой конструкции с объектным инфинитивом, подчеркивающие неоднозначность и длительность принуждения.

Выводы

Таким образом, в текстах СМИ наблюдается большая частотность обращения к случаям принуждения в различных сферах жизни российского социума. При этом наблюдается тенденция представления принуждения со стороны государственной власти в форме отрицания, что свидетельствует о интенции авторов смягчить пред-

¹ Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. *Русистика*. Берлин, 1994, № 1–2, с. 28–49.

ставление читателей о действиях государственных структур как о принудительных. Напротив, в материалах СМИ государственные органы или их отдельные представители чаще предстают как гаранты пресечения принудительных мероприятий.

Утвердительные конструкции с глаголом *принуждать* преобладают над отрицательными в дискурсе личного, чаще всего физического, насилия, отражая интенцию авторов обнародовать факты произвола, агрессии, неуважения к личности и посредством данной тематики расширить круг целевой аудитории. Эта тенденция устойчиво проявляется при освещении как российской, так и зарубежной тематики.

Незначителен процент отрицательных конструкций и среди контекстов лексико-тематической группы «за рубежом» (15 %). Данный показатель является следствием намерения авторов создать диспропорцию фактов принуждения и фактов его пресечения вне России. Подобная непропорциональность освещения косвенно укрепляет имидж российской государственности как более гуманной и основанной на разумных началах. Подчеркнутой резкостью представления принуждения за рубежом отличается дискурс международной политики, в отличие от более взвешенного представления случаев принуждения в профессиональной сфере других стран и сфере зарубежного бизнеса.

Следует отметить, что авторами текстов в полной мере осознаются семантические различия предложного и беспредложного вариантов конструкции с глаголом *принуждать*, что используется в качестве усиления приема эвфемизации при описании принуждающих действий органов власти. В этой связи представляется продуктивным продолжение исследований соотношения семантических различий грамматических вариантов сложных единиц языка¹, позволяющих установить интенцию автора с большей точностью.

Список источников / References

Коломацкий Д. И. *Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование*: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. URL: https://studiorum.ruscopora.ru/wp-content/themes/bootstrap-basic4-child/texts/kolomackij_distribution_paper.pdf (дата обращения: 29.06.2025). EDN: QEKNAL

Kolomatskii D. I. *Distribution of Russian passive forms: corpus-based research*: Cand. thesis in Philological Sciences. Moscow, 2009. Available at: https://studiorum.ruscopora.ru/wp-content/themes/bootstrap-basic4-child/texts/kolomackij_distribution_paper.pdf (accessed: 29.06.2025). (In Russ.) EDN: QEKNAL

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. *Русистика*. Берлин, 1994, № 1–2, с. 28–49. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.html> (дата обращения: 29.06.2025).

Krysin L. P. Euphemisms in modern Russian speech. *Russian Language Studies*. Berlin, 1994, no. 1–2, pp. 28–49. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.html> (accessed: 29.06.2025). (In Russ.)

¹ Николаева Т. М. Предложный вариант / вариант беспредложный. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. XI, ч. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2015, с. 245.

Логвинова И. В. Синтаксические функции инфинитива в языке прессы (на материале газет Die Welt и «Беларусь сегодня»). *Вестник Полоцкого государственного университета*, Серия А, 2019, № 2, с. 98–103. EDN: ZBOAXR

Logvinova I. V. Syntactical functions of the infinitive in the language of the press (based on publication in the journals Die Welt and Belarus Segodnia). *Vestnik of Polotsk State University, Part A*, 2019, no. 2, pp. 98–103. (In Russ.) EDN: ZBOAXR

Николаева Т. М. Предложный вариант / вариант беспредложный. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. XI, ч. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2015, с. 233–248.

Nikolaeva T. M. Prepositional variant / Non-prepositional variant. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. XI, part 1. St Petersburg: Nauka, 2015, pp. 233–248. (In Russ.)

Подкорытова А. В. Особенности когнитивной природы лексических конверсивов. *Вестник Челябинского государственного университета*, Филологические науки, вып. 115, 2019, № 1 (423), с. 113–117. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10117>; EDN: VWHGTE

Podkorytova A. V. The features of the cognitive nature of lexical converse terms. *Bulletin of Chelyabinsk State University, Philological Science*, Iss. 115, 2019, no. 1 (423), pp. 113–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10117>; EDN: VWHGTE

Романова О. В. Некоторые особенности вербализации концепта «принуждение» глагольной лексикой современного английского языка. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки*, 2007, вып. 44, с. 214–217. EDN: KVASOB

Romanova O. V. The ways of expressing the concept “compulsion” by the English verbs. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, no. 44, pp. 214–217. (In Russ.) EDN: KVASOB

Тиллоева С. М. *Понятийный аспект структуры семантического поля*. Екатеринбург: [б. и.], 2020. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/15701/1/mon00132.pdf> (дата обращения: 29.06.2025). EDN: MBMNJG

Tilloeva S. M. *Conceptual aspect of semantic field*. Yekaterinburg: [s. n.], 2020. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/15701/1/mon00132.pdf> (accessed: 29.06.2029). (In Russ.) EDN: MBMNJG

Финогентова О. Е., Ломаев А. Ю. Проблемы реализации публичного интереса в нормах гражданского права. *Вестник Самарского юридического института*, 2015, № 2 (16), с. 65–70. EDN: TYYWXH

Finogentova O. E., Lomaev A. Yu. Problems of public interest realisation in civil law. *Bulletin of Samara Law Institute*, 2015, no. 2 (16), pp. 65–70. (In Russ.) EDN: TYYWXH

Сведения об авторе

Наталья Юрьевна Тимофеева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-1032-6007>, natashanorge@mail.ru, Московский финансово-юридический университет (МФЮА) (д. 1а, ул. Введенского, 117342 Москва, Россия); **Natalia Yu. Timofeeva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-1032-6007>

0003-1032-6007, natashanorge@mail.ru, Moscow University of Finance and Law (MFUA) (1a, Vvedenskiy ul., 117342 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 29.06.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 29.06.2025; Approved after reviewing 19.08.2025; Accepted for publication 25.09.2025.